

**БОГ ГОРДЫМ ПРОТИВИТСЯ:
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА***

Александр Ужанков

Московский государственный институт культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Москва, Россия

**GOD OPPOSES THE PROUD:
CRIME AND PUNISHMENT IN WORKS ABOUT PRINCE
IGOR SVYATOSLAVICH'S CAMPAIGN**

Aleksander Uzhankov

Moscow State University of Culture,
D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute
of Cultural Heritage,
Moscow, Russia

Only three literary works about Igor Svyatoslavich's campaign against the Polovtsians in 1185 are known to us: the story from the Laurentian Codex, the story from the Kiev Chronicle of the Hypatian Codex, and *The Tale of Igor's Campaign*. This article investigates the theme of sin and punishment, i. e. the vainglorious campaign of Igor Svyatoslavich and his captivity. In the Pereyaslavskaya story of the Laurentian Codex, all the blame for the ruin of the Russian land and the Pereyaslav principality is put on Prince Igor Svyatoslavich, who undertakes a campaign of conquest and is defeated, opening the gates of Russia to the Polovtsians. The hero of this story is Vladimir Glebovich Pereyaslavsky, who fearlessly defends his principality from the Polovtsians and is seriously wounded. The Kiev chronicler defends Igor Svyatoslavich, depicts his courage, and tries to show that he had God's providence.

* *Citation:* Uzhankov, A. (2019). *God Opposes the Proud: Crime and Punishment in Works about Prince Igor Svyatoslavich's Campaign*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425.

Цитирование: Uzhankov A. *God Opposes the Proud: Crime and Punishment in Works about Prince Igor Svyatoslavich's Campaign* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425 / Ужанков А. *Бог гордым противится: преступление и наказание в произведениях о походе Игоря Святославича* // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425.

Having suffered defeat, Igor Svyatoslavich interprets it as an Orthodox prince would, realising that he has received a punishment for his previous sin, i. e. the ruin of the city of Glebov in Pereyaslavskaya land and the death of Christians that he provoked. During his captivity in the hands of the Polovtsians, Igor demonstrates repentance, for which he invites a priest from the Russian land; as a result, his spiritual transformation takes place and the Lord leads him out of captivity. *The Tale* is close to the Kiev Chronicle in its interpretation of events. The difference is that *The Tale* describes Igor's campaign more poetically, reveals the theme of vain glory and dishonour, and depicts the spiritual path of Prince Igor Svyatoslavich via artistic means. For this, the author of *The Tale* creates an artistic image of an "eclipse": in nature, this is represented by the sun while in Prince Igor, it is his soul. When crossing the border river Donets, Prince Igor steps from light into darkness: his entire campaign takes place in darkness and he returns to the Russian land thanks to the prayers of his wife Yaroslavna, thus transiting from darkness to light.

Keywords: Russian chronicles; sin of pride; *The Tale of Igor's Campaign*; crimes of princes.

О походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. до нас дошли три произведения: повесть из Лаврентьевского летописного свода, повесть из Киевской летописи Ипатьевского летописного свода и «Слово о полку Игореве». В статье рассматривается тема греха и наказания – тщеславного похода Игоря Святославича и его плена. В переяславской повести Лаврентьевской летописи вся вина за разорение Русской земли и Переяславского княжества возлагается на Новгород-Северского князя Игоря Святославича, который предпринимает завоевательный поход, терпит поражение и тем самым «открывает ворота» половцам на Русь. Героем ее выступает Владимир Глебович Переяславский, который героически обороняет свое княжество от половцев и получает тяжелое ранение. Киевский летописец защищает Игоря Святославича, описывает его отвагу, пытается показать Божий промысел о нем. Игорь Святославич, потерпев поражение, осмысливает его как православный князь и понимает, что несет наказание за предыдущее свое прегрешение – разорение города Глебова в Переяславской земле и гибель христиан. Во время пребывания в плену у половцев Игорь приносит покаяние, для чего выписывает священника из Русской земли; происходит его духовное преобразование, и Господь выводит его из плена. Природа, подвластная Богу, тому способствует. «Слово» близко в интерпретации происходящего к Киевской летописи. Разница в том, что в нем более поэтично описан Игорев поход, раскрыта тема тщетной славы и бесславия, показан художественными средствами духовный путь князя Игоря Святославича. Для этого автор «Слова» создает художественный образ затмения: в природе – солнца, у князя Игоря – души. При переходе пограничной реки Донец князь Игорь ступает из света во тьму, весь его поход происходит во тьме, и возвращается он, по молитвам своей жены Ярославны, из тьмы в свет – на Русскую землю.

Ключевые слова: русские летописи; грех гордыни; «Слово о полку Игореве»; княжеские преступления.

Для сознания древнерусских летописцев было характерным толковать описываемые ими исторические события и поступки князей через призму Священного Писания, поскольку все происходит по Божественному промыслу, а княжеская власть воспринималась как Богом данная: «Яко же рече Исая пророк: Тако глаголет Господь: “Князя Азь учиняю, священни бо суть, и Азь вожу я (их)”» [Памятники литературы Древней Руси, т. 3, с. 426]. Если княжеская власть – от Бога, то и княжеское служение воспринималось как мирское служение Ему. Сводилось оно к защите Отечества (княжества), православной веры и народа. Так поступали все благоверные князья в Древней Руси, почему именно из их среды и вышло наибольшее число святых в домонгольский период. Священное Писание, по которому должны были жить православные князья, запрещало завоевательные походы, «не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части» [Повесть временных лет, с. 7–8].

Предваряя рассказ о походе Игоря Святославича, один из составителей Киевской летописи заметил под 1184 г.: «Всемиловитый Господь Богъ гордымъ противиться и светы ихъ разруши». Его убеждение основывается на словах апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр 5 : 5). Для древнерусских летописцев было очевидным, что причиной похода Игоря Святославича была гордыня, а наказание Божие за нее – плен.

Поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 г. был описан и негативно оценен в Переяславско-Владимирском летописании, и эта позиция отразилась и сохранилась в повести Лаврентьевского летописного свода [Шахматов, 2011, с. 57–58; Приселков, с. 67]. Киевский летописец в Выдубицкой летописи XII в. (позднее вошедшей в Ипатьевский летописный свод) защищает Игоря Святославича и дает ответы на все обвинения Лаврентьевской повести [Демкова, с. 47]. «Слово о полку Игореве» хорошо знает как переяславскую [Яценко, с. 37–40], так и киевскую повести [Літописні, с. 38–41]. При этом оно тоже полемизирует с переяславским летописцем и защищает Игоря Святославича [Яценко, с. 40].

Повесть о весеннем походе Игоря Святославича на половцев помещена в Лаврентьевском своде под 1186 г. (по мартовскому стилю). Ей предшествует рассказ о походе русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича на половцев летом 1184 г. Такое расположение двух рассказов в Лаврентьевской летописи не случайно. Просматривается не только их идейная связь (защита Русской земли от половцев), но и богословское осмысление двух похожих, но по сути своей разных походов.

Рассказ 1185 (1184) г. начинается с сообщения о поставлении «Божиим изволением и Святой Богородицы» игумена Луки епископом Ростовским, Владимирским и Суздальским. «Того же лѣта» случился во Владимире сильнейший пожар, и летописец-провиденциалист, пытаясь понять причину бедствия, размышляет о Божьем промысле:

Се же ся здѣя грѣх ради наших. яко умножишася грѣси наши и неправды. се же наведе на ны Богъ. веля нам имѣти покаянье. <...> Хръстяномъ бо многыми напастыми внити въ царство небесное [ПСРЛ, т. 1, с. 392–393].

Приводя рассказ о походе русских князей на половцев, летописец указывает: «Богъ вложи в сердце княземъ Русскимъ. Ходиша бо князи Русстии вси на Половци» [Там же, с. 394]. В июльском походе 1184 г. приняли участие Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич, была и галичская помощь, и владимирская, и луцкая. От похода уклонились только Черниговские князья, в том числе и Игорь Святославич, князь Новгород-Северский. Особая роль отводится Переяславскому князю Владимиру Глебовичу (Мономаховичу). Он выпросил у Святослава Всеволодовича возможность ездить «напереду в сторожих», поскольку его «волость пуста от половець». Русские князья не стали ему препятствовать.

Владимир Глебович после молитвы выступил против половцев, которые «побегоша, гоними гневом Божьимъ и святое Богородици» [Там же, с. 395]. В плен попали многие половецкие ханы, среди которых был и хан Кобяк. Летописец отмечает: «И поможе Богъ и святая Богородица Володимеру... И бысть радость велика» [Там же, с. 396].

Примечательно в этом рассказе то, что Господь «вложи в сердце княземъ Русскимъ...» идею похода, отсюда и помощь Божия в одолении половцев. При этом основная заслуга в победе над половцами приписывается Владимиру Глебовичу, земли которого они разорили. Для них наступило справедливое возмездие: многие половецкие князья и воины попали в плен, а русские захватили богатую добычу. Наконец, помощь русским князьям оказали Господь и Пресвятая Богородица, на которых и уповал Владимир Глебович. Иными словами, если древнерусский князь выполняет Божию волю, а не противится ей и не творит свою волю, то Господь помогает ему.

После этого красноречивого рассказа о победоносном походе древнерусских князей в летописном своде следует повествование о неудачном походе Игоря Святославича. Как бы само собой напрашивается противопоставление и двух походов 1184 и 1185 г., и двух князей – Владимира Глебовича и Игоря Святославича.

Рассказ начинается с описания солнечного затмения. Лаврентьевская летопись часто обращает внимание, что оно предзнаменует недоброе развитие событий (ср. запись под 1124 г.: [ПСРЛ, т. 1, с. 293]). Убеждение, что небесное знамение – это предупреждение, строилось на Священном Писании, в частности, на «Апокалипсисе» Иоанна Богослова. В нем семь ангелов, вострубив, предвещают *конец света*, и на небесах появляются Божьи знамения, а на земле – наказания людям за их несправедную жизнь и грехи: и град, и огонь, и болезни, и потопа, и нашествия саранчи, и т. д.

Есть подобные суждения и в Евангелиях: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение» (Лк 21 : 25). На этих откровениях Священного Писания строятся убеждения уже древнерусских книжников. Серапион, епископ Владимирский, замечает:

Се оуже наказает ны Богъ знаменъи, земли трясениемъ его повелѣниемъ: не глаголетъ оусты, но дѣлы наказаетъ. Всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отведеть злаго обычая. Нынѣ землю трясеть и колѣблетъ, безаконъи грѣхи многия от земля отрясти хоцетъ, яко лѣствие от древа [Пмятники литературы Древней Руси, т. 3, с. 440].

Предвещание затмением солнца кончины князя – это малое напоминание о грядущем Страшном суде. Каждый, будь он даже князь, не избежит малого суда – смерти, «отдавъ общій долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому» [Там же, с. 406], и предстанет на всеобщем Страшном суде. И автор «Слова о полку Игореве» мыслит так же: «Ни хытру, ни горазду... Суда Божиаго не минути»... Солнечное затмение происходит в самом начале похода Игоря Святославича:

В середу на вечерни. Бы(сть) знаменье въ солнци, и морочно бысть велми... и въ солнци оучинися яко месяцъ. <...> Страшно бѣ видѣти човекомъ знаменье Божье... [ПСРЛ, т. 1, с. 396].

Автор летописного повествования сразу же указывает на отличие этого похода от похода Святослава Всеволодовича, совершенного годом ранее. Если Мономаховичи выступили против половцев на защиту Русской земли по воле Божией, то Ольговичи *самостоятельно* решили отправиться в Половецкую степь, горделиво заметив: «Мы есмы ци не князи же? [Поидем] такыже собѣ хвалы добудем» [Там же, с. 397]. Побудительной причиной стала для них не защита русских земель от половецких набегов, а желание славы. Гордыня – первейший из грехов, порождающий и тщеславие. Древнерусские монахи-летописцы предупреждали об этом русских князей:

О възлюбленіи князи Рускіи, не прелщайтеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины есть и яко стѣнь мимо идет; не принесете бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести можете [Там же, т. 18, с. 73].

Такое впечатление, что у древнерусских князей Ольговичей произошло затмение души, и они прельстились славой. Инициатива похода исходит от Игоря Святославича. Он выступает из Новгород-Северска с сыном Владимиром. У Переяславля Игорь встречается со своим братом Всеволодом Святославичем из Трубчевска, племянником Святославом Ольговичем Рыльским и «черниговской помо-

щью» – ковуями. Услышав об этом, половцы встревожились: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се ноне на нас идут». И послали гонцов по всей своей земле с призывом выступить против русских князей. Тем временем русские подступили к вежам половцев, которые не смогли противостоять русским и «побежени бывше». Летописец замечает, как русские, радуясь,

...рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ великимъ князем и билися с ними зря на Переславль... а в землю ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы, и самѣхъ избили, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по ним за Донъ и до конца избьемъ ихъ. <...> Идем по них и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши. А возмем до конца свою славу и честь». А не вѣдуще Божия строенья [ПСРЛ, т. 1, с. 397–398].

Автор приводит похвальбу князей, которые далеко зашли в половецкие степи, нарушив, тем самым, кодекс чести древнерусского князя, который не приветствовал завоевательных войн, признавая лишь оборонительные. Мономаховичи ведь бились с половцами, «зря на Переславль», то есть в своей земле.

Игорь же Святославич с князьями отправляются в *завоевательный поход*. Более того, они собирались пленить еще и всю Половецкую землю и дойти до лукоморья, куда еще никто из древнерусских князей не ходил! Не случайно и автор «Слова о полку Игореве» подчеркивает этот нечестивый путь в половецкую степь многократным повторением слов: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» [Слово, с. 13].

К тому же Ольговичи хвастаются взять «до конца свою славу и честь». Летописец показывает Игоря Святославича «со товарищи» одержимыми гордыней и тщеславием. И как ожидаемый результат от нарушения ими заповедей – напоминание о «Божием строении» о них. Наказание последовало вскоре: половцы собрали все свои силы и обступили русских воинов, которые, «видѣвше ихъ, ужасошася и величання своего отпадоша» [ПСРЛ, т. 1, с. 398]. Происходит отрезвление, а древнерусский летописец напоминает слова пророка: «Нѣсть человеку мудрости, ни есть мужества, ни есть думы противу Господеви» [Там же]. Изнемогавшие от жажды русские воины попытались пробиться к воде, но половцы «бишася с ними крепко». Тогда и конные дружинники спешили, «кони бо бяху под ними изнемогли», «и бысть сеча зла вельми».

И побѣжени быша наши гнѣвом Божимъ. Князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана и та язвена [Там же].

Таков печальный итог битвы и всего похода Игоря Святославича как наказание за его гордыню и похвальбу. Но это и начало возможного преображения князя, поэтому и вспомнил летописец слова

пророка Исайи: «Господи, в печали помянухом тя». Самое главное для князя – осознать греховность своих действий и покаяться в них. Игорь Святославич отступил от Бога, от исполнения заповедей Его. Захотел славы, а получил бесславие – попал в плен. Для православного все предельно ясно: в жизни человека все происходит или по воле Божией, или попущением Божиим, когда человек творит свою волю. Игорь Святославич творил свою волю, и как результат – гибель всего его войска, а для него самого – бесчестие и ожидание выкупа.

К тому же он «открыл ворота» на землю Русскую половцам. Они направились к Переяславлю, у стен которого развернулось большое сражение. Главным действующим лицом вновь становится переяславский князь Владимир Глебович. Он выехал с малой дружиной против половцев и «бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ». Горожане, увидев изнемогавших воинов своих, «выринушася из города и бишася, одва изотяша князя боденого тремя копыи». А половцы «възвратишася со многым полоном в вежѣ» свои [ПСРЛ, т. 1, с. 399]. Разорение Переяславского княжества – это следствие безумного поступка Игоря Святославича, после которого уже половцы воспользовались ситуацией. Вина на Игоре Святославиче лежит и за тяжелые раны Владимира Глебовича.

Тем не менее, летописец сообщает, что «по малых днѣхъ оускочи Игорь князь» от половцев, поскольку

...не оставить бо Господь праведного в руку грѣшничю. Очи бо Господни на боящаяся его, а оуши его в молитву ихъ. Гониша бо по нем и не обрѣтоша его, яко и Саоуль гони Давыда, но Богъ избави и. Тако и сего Богъ избави из руку поганных [Там же, с. 399–400].

Из слов летописца можно понять, как Игорь из грешника превратился в праведника: Господь увидел страх князя пред Ним; князь раскаялся за содеянное и обратился к Богу с покаянной молитвой. Красноречиво в этом плане сравнение князя Игоря с царем Давыдом, пострадавшим свое прощение.

Для автора описаний последствий безумства князя Игоря было важно разобраться, почему все так произошло. Его размышлениями и завершается летописная статья 1186 г.:

Се же и здѣяся грех ради наших, зане оумножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастми различными, огнемъ и водою и ратью, и многими различными казнми [Там же, с. 400].

Размышления статьи 1186 г. дословно повторяют некоторые моменты из рассуждений начала статьи 1185 г. Это свидетельствует об устойчивости представлений о наказании за грехи еще в этой жизни:

Се же ся здѣя грех ради наших. яко умножишася грѣси наши и неправды. се же наведе на ны Богъ. веля нам имѣти покаянье. и вѣстятнудися

от грѣха. и от зависти. и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязниныхъ. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными. огнемъ и водою и ратью. и иными различными казньми. да явятся яко злато искушено в горнилѣ. хрыстіяномъ бо многими напастьми внити въ царство небесное [ПСРЛ, т. 1, с. 392–393].

В новой статье летописец только подверг предыдущий текст некоторым сокращениям, сохранив основную мысль: «яко створихом, тако и прияхом», и сконцентрировал свою мысль на самом главном – проявленном Богом милосердии:

...но кажет ны добрѣ Господь нашъ. но да никтоже может рещи яко ненавидит нас Богъ. не буди то. кого тако любить [Богъ] якоже възлюбилъ е(сть). и страсть приять нас ради. да ны избавить от неприязни [Там же, с. 400].

Потому и избавляет Господь древнерусского князя Игоря Святославича из половецкого плена. Бегство Игоря Святославича – не его заслуга, а воплощение Божией воли и проявление милосердия. Для летописца-монаха это было безусловным фактом.

Еще одна повесть о походе Игоря Святославича 1185 г. на половцев вошла в составленную в конце XII в. в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем так называемую Киевскую летопись (охватывала события с 1119 по 1198/9 г.) [Шахматов, 1938, с. 70–71; Приселков, с. 47–49; Рыбаков, с. 7–8]. Как и в Лаврентьевском своде, этой статье о походе Игоря Святославича предшествуют несколько погодных записей начала 80-х гг. с рассказами о набегах половцев на Русскую землю и ответных походах древнерусских князей. Значительная роль в этих событиях отводится правящему думовирату Ольговичей и Мономаховичей: великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу (Ольговичу) и великому князю Киевской земли Рюрику Ростиславичу (Мономаховичу). Автор летописи всякий раз стремится отметить их союзнические отношения и совместную деятельность на благо родной земли.

Этому летописцу также присущ провиденциализм. Когда в феврале 1183 г., в первую неделю Великого поста, «приидоша Измалтяне безбожнеи Половци на Русь», то «Божьемъ застоуплениемъ не бысть пакости от нихъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 628]. Уже летом Святослав Всеволодович, «сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ», выступает против половцев. Святослав послал своих сыновей с полками под предводительством Новгород-Северского князя Игоря Святославича, «веля емоу ѣхати в себе мѣсто». А Рюрик послал Владимира Глебовича Переяславского со своими полками. Киевский летописец отмечает заносчивость и неблагопристойное поведение переяславского князя, о чем Лаврентьевский свод, благоволивший Владимиру Глебовичу, тактично умолчал.

Владимир Глебович попросил разрешения у Игоря Святославича «ѣздити на переди полкомъ своимъ», мотивируя это тем, что русским князьям дано право ездить «на переди» в Русской земле. Князь Игорь этого ему не позволил, и Владимир Глебович «розгнѣвався и възвратися. и оттолѣ идя иде на Сѣверьскіѣ города и взя в них много добытокъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 628–629]. Этот рассказ в корне отличается от рассказа Лаврентьевского свода, когда Святослав Всеволодович позволил ездить Владимиру Глебовичу «на переди», поскольку половцы разорили его Переславское княжество, и тогда никто из князей не оспорил этого его права первенства на военную добычу.

«Ездити на переди полкомъ своимъ» – это значит в случае победы первыми обогатиться захваченным имуществом неприятеля. Игорь Святославич лишил дружинников Владимира Глебовича такой возможности, тогда переяславский князь пошел со своим полком и частью киевлян в Новгород-Северскую волость Игоря Святославича, чтобы компенсировать воинам упущенную добычу. По сути, Владимир Глебович выступил зачинщиком нового вооруженного конфликта Мономаховичей и Ольговичей, разжигателем княжеской розни. Лаврентьевский свод, симпатизирующий Мономаховичам, предпочел об этом поступке Владимира Глебовича ничего не сообщать, однако не приводит и сведений, что Владимир Глебович раскался в содеянном.

Киевский летописец показал Игоря Святославича как настоящего полководца и воина, который неукоснительно исполняет свой княжеский долг. Во главе оставшихся киевских полков он поставил своего племянника Олега Святославича, и вместе с другими князьями они стали преследовать и пленять убегающих половцев.

«Того же лѣта» киевский летописец-провиденциалист рассказывает о другом коллективном походе русских князей: «Богъ вложи въ сердце Святославоу, князю Киевскомоу... поити на Половцѣ» [Там же, с. 630]. Собрав «окольных» князей, кроме отказавшихся от похода своих братьев Ольговичей, Святослав Всеволодович выступил в поход, «пооущаеъ Божиимъ промысломъ» [Там же, с. 631]. Отыскав половцев на «ратной стороне Днепра», он отрядил шесть «молодших князей» впереди полков, в том числе и Владимира Глебовича.

В отличие от Лаврентьевского свода, который отводил главную роль Владимиру Глебовичу Переяславскому, Киевский летописец ограничился лишь сообщением, что половцы «оузрѣвше Володимеръ полкъ, крѣпко идоущъ на нихъ, и побѣгоша гонимы гнѣвомъ Божиимъ [и] святѣи Богородицѣ» [Там же]. Русские князья пленили хана Кобыка с двумя сыновьями и других ханов «без числа».

Великии же князь Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ приемше от Бога на поганяя побѣдоу и возвратишася во свояси съ славою и честию великою [Там же, с. 633–634].

На следующий 1184 г. пришлось воевать уже с другим половецким ханом Кончаком. «Оканьнии и безбожнии и треклятии» пришел он со множеством половцев «плѣнити хотя грады Рускѣи и пожещи огньмъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 634]. Однако, как заметил летописец, «всемилобивый Господь Богъ гордымъ противиться и свѣты ихъ раздроуши», и «съдеа Господь спасение свое, дасть побѣду князема Роускыма» [Там же, с. 635, 636].

Киевский летописец объясняет, что Игорь Святославич готов был отправиться и в этот общий поход, но не успевал из-за весенней распутицы. Поэтому он и решился на самостоятельный поход. 23 апреля, во вторник Пасхальной седмицы, он выехал из Новгород-Северска, взяв с собой брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска и сына своего Владимира из Путивля. У своего сюзерена Ярослава Черниговского попросил себе в помощь Ольстина Олексича с черниговскими ковуями. «И тако идяхоуть тихо, собирающе дружиноу свою... Идоущимъ же имъ к Донцю рѣкы в годъ вечернии» [Там же, с. 638].

Так начинается повесть о злосчастном походе Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 г. Она очень близка «Слову о полку Игореве», в ней можно выделить смысловые узлы и сопоставить их со смысловыми узлами и повествованием «Слова». Это дает основание рассматривать их вместе, тем более и оценка действий Игоря Святославича у них совпадает, что выдает одного их автора.

Поход начинается с грозного предзнаменования – солнечного затмения:

Игорь жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць. И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей. <...> Игорь же рече: «Братья и дружино!» [Там же].

Сопоставления со «Словом» напрашиваются сами собой:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмоу вся своя воя прикрыты. <...> И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино!» [Слово, с. 10–11].

Примечательно и отношение Игоря к солнечному затмению: «А намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то женамъ видити». В конце «Слова» жены, как и Ярославна, будут оплакивать своих не вернувшихся мужей...

В отличие от более богобоязненных бояр («Княже, се есть не на добро знамение се!»), Игорь Святославич даже не пытался истолковать предзнаменование и просто отмахнулся от него, за что и был наказан.

Первые тревожные вести прозвучали вскоре, когда посланные Игорем сторожа рассказали, что видели половцев уже облачив-

шихся в доспехи и готовых к бою. Поэтому, посоветовали они, или нужно ехать «борзо», или возвратиться домой, «яко не наше есть веремья» [ПСРЛ, т. 2, с. 639]. Однако Игорь воспринимал все по-другому: «Оже ны боудеть не бившиися возворотитися, то *соромъ ны боудеть пущи смерти*, но како ны Богъ дасть» [Там же]. Князю, идущему за славой, «сором» (позор) страшнее смерти. При этом князь полагается на Божью волю. Значит, считает свои поступки правильными?

Русские, решив, «ѣхаша чересь ночь. Заоутра же пятькоу наставшоу во обѣднее веремья, оусрѣтоша полкы Половѣцькиѣ» [Там же]. Автор «Слова» еще раз напоминает о солнечном затмении и создает образ неприветливой ночи:

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмоу путь заступаше, ношь стонуши ему грозоу, птичь убуди свистъ, звѣринъ въ ста збися, Дивъ кличетъ врѣху древа... [Слово, с. 11].

У князя Игоря Святославича затмение души, в природе – затмение солнца. Такое ощущение, будто князь Игорь из светлого пространства шагнул в темное – против чьей-то воли, потому-то солнце ему тъмоу путь заступало, как бы удерживало¹. В реальном затмении день потемнел и ночь настала, а в художественном описании затмение превратилось в развернутую поэтическую метафору. Автор воспользовался подсказанным самой природой образом ночи и стал его усиленно развивать:

А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать телѣги *полунощы*, рци, лебеди ропущени. Игорь къ Дону вои ведеть... [Там же, с. 12].

Грозны *в ночи* волчий вой по оврагам да орлиный клекот, зовущий зверей на кости. «Длъго *ночь* мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла» [Там же, с. 13]. Ночь днем, погасший свет зари, спустившийся на поле мрак, стихшие голоса птиц – все нагнетает тревогу. Природа предчувствует, точнее, уже знает исход битвы (ибо орлы на кости позвали зверей) и замерла в тревожном ожидании полной гибели света. Замерли в ожидании и воины.

Киевский летописец подробно описывает приготовление русских князей к первой битве. Снарядив полки, князь Игорь обратился «ко братьи своеи»: «Братья, сего есмы искалъ, а потягнемъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 639]. И пошел против половцев, «положаче на Бозѣ оупование свое».

В «Слове» это первое столкновение русских с половцами описано и поэтично, и лаконично:

¹ Об образе «похода в ночи» Игоря Святославича см.: [Ужанков, с. 303–307].

Съ зарания въ пятькъ потопташа поганяя плъкы половецкыя и, рассушыся стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты... [Слово, с. 13].

К вечеру пятницы русские обнаружили, что против них «собрашася Половци вси» [Там же, с. 640]. Игорь предложил ехать ночью, ему возразил племянник Святослав Ольгович, у которого устали кони. Его поддержал Всеволод, чтобы остаться на ночлег в поле. «Слово»: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо – далѣче залетело!»

Основные события разворачиваются с рассветом в субботу:

Свѣтаючи же соуботѣ, начаша выстоупати полци Половецкыи акъ боровѣ. Изоумѣшася князи Роускыи... Быс(тъ) бо ихъ безчисленное множество [Там же, с. 641].

«Слово» описывает этот момент более поэтично:

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають (а свет как бы и не настал! – А. У.); чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии [Там же].

Русские сошли с коней и попытались с боем пройти к реке Донец. Князья сказали, что если сами убегут, а «черных людей» оставят, то от Бога будет им грех за это. И решили пробиваться все вместе: или умрут, или живы останутся, но все заодно. Помнят князья об ответственности за людей своих пред Богом, но пока не осознали до конца свой грех – завоевательный поход.

И тако Божиимъ попоущениемъ оуязвиша Игоря в роукоу... И быс(тъ) печаль велика в полкоу его. <...> И мнозии ранении (и) мертви быша в полкохъ Роуских. Наставши же ноци соуботнии и поидоша быючися [Там же].

«Слово» – о том же: «Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша». И далее:

Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта (а свет как бы и не наступил! – А. У.) летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи [Там же].

Весь поход Игоря Святославича описан автором «Слова» во тьме! Кульминация битвы приходится на воскресенье:

Бис(тъ) же свѣтающе недѣлѣ. Возмятошася Ковуеве в полкоу (и) побѣгоша [Там же].

Какое точное слово использовал автор для передачи смутения ковуев – *возмятошася*! Раненый Игорь пытается остановить бегущих ковуев, поскакал за ними на лошади, но его не узнали. Когда возвращался и уже приблизился к полкам своим на расстояние одного полета стрелы, половцы перехватили его.

Держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своеи смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего [Слово, с. 642].

«Слово»: «Игорь плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода...» Битва проиграна князем Игорем *в полдень*, то есть в самое светлое время дня, но автор «Слова» создает тот же *образ тьмы*, что и в начале описания похода:

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста (Игорь и Всеволод Святославичи. – А. У.), оба багряная стѣпа погасоста, и съ нима молодая месяца... *тьмоу ся поволокоста*... На рѣцѣ на Каялѣ *тьма свѣтъ* покрыва...

Так и не увиденный во всей полноте свет дня битвы сменяется для Игоря тьмою плена:

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче [Там же, с. 19–20].

Всего одной фразой, но ярко изобразил летописец битву Всеволода с половцами: русский князь так сражался с врагами, «яко и оружья в руку его не доста». Автор «Слова» более красноречив:

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! [Там же, с. 14].

В воскресенье, на малую Пасху, наступила развязка битвы. Половцы зажали со всех сторон горстку продолжающих сражение русских воинов:

И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы [ПСРЛ, т. 2, с. 642–643].

В самый кульминационный момент летописец возвращается к князю Игорю, стремясь передать его внутреннее состояние:

Рече... Игорь: «Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много оубиство кровопролитие створихъ в землѣ крестьянѣхъ, яко же бо азъ не пощаждѣхъ христьянъ, но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ оу Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии христьяни...» [ПСРЛ, т. 2, с. 643].

В этом исповедальном монологе Игоря Святославича – трагедия оступившегося человека. Через осмысление постигшего его Божьего наказания произошло осознание им греха. Для христианина это наиважнейший момент в жизни. Осмысление греховности приводит к покаянию, покаяние – к прощению, прощение – к освобождению от плена греха. У человека появляются будущность и надежда. В нем происходит духовное преображение, которое возможно только через страдание, и древнерусские летописцы постоянно напоминают об этом.

Набег Игоря на Переяславскую вотчину Мономаховичей принес ей опустошение: «все *смятено* пленомъ и скорбью тогда бывшую». Автор не сообщает, что этот поход князя Игоря был местью Владимиру Глебовичу за его разорение новгород-северских земель Игоря, о чем говорилось выше. Он, пусть и запоздало, оценивает свои поступки с позиции христианина и являет искреннее раскаяние в содеянном: «Се возда ми Господь *по безаконию моему* (Пс. 102 : 10) и *по злобѣ моеи* (Пс. 7 : 9–10) на мя снидоша днесъ *грѣси мои* на главою мою (Пс. 7 : 17)». Поэтому и наказание от Бога справедливо: «Истиненъ Господь и прави соуди его зѣло (Пс. 118 : 137)» [ПСРЛ, т. 2, с. 644]. Князь вершит собственный суд над собой:

Азъ же оубо не имамъ со живыми части. Се нынѣ вижю друугая мучения вѣннца приемлюще. Почто азъ единъ повинный не прияхъ страсти за вся си? [Там же].

Князь отвечает пред Богом за людей своих, потому и готов понести наказание за свои поступки и пострадать сам, но оказывается виновником страданий других, которые уже приемлют венцы мучеников на небесах.

Это не случайное духовное прозрение Игоря. Это первое осмысление произошедшего было осознанным, и князь становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Для него, хотя и оступившегося, но православного князя было очевидным, что без покаяния невозможен обратный путь домой. Засвидетельствовать покаяние пред Богом мог только священник, которого он и вызовет с Руси.

В «Слове» о покаянии князя Игоря ничего не сказано, но приводится утверждение: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу». Почему же Господь помогает князю Игорю Святославичу не только вернуться на землю Русскую, но и занять черниговский княжеский престол? Не свидетельство ли это прощения Им князя Игоря после его покаяния?

Воскресение князя Игоря начинается в воскресенье пополудни. В русских храмах завершилась служба, а «в поле незнаемомъ» – битва. После проявления им «подвига христианского смирения и кротости» [Еремин, с. 127], осознания своего греха и покаяния.

Киевский князь Святослав Всеволодович узнает от бояр о походе Игоря и Всеволода Святославичей,

...и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: «О любя моя братья и сынове, и мужъ землѣ Рускоѣ! Дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности, отвориши ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будетъ о всемъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 645].

«Слово» вторит повести:

Тогда великий Святъславъ изрони злато слово, слезами смеиѣно, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себѣ славы искати! Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте!»

Он обращается к князьям Мстиславичам:

Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугоу Святъславлича.

За преступление князя отвечают его подданные. А в Посемье

...бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всеи волости Черниговьскои. Князи изымани, и дружина изымана, избита и мятяхоуться акы в мутви, городи воставахоуть [Там же, с. 645–646].

Схожую обстановку воссоздает и «Слово»:

Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче. <...> А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи...

Теперь половцы, «побѣдивъше Игоря с братьею и взяша гордость великоу» [Там же, с. 646], решили идти на Русскую землю.

Хан Кончак как будущий сват князя Игоря предлагал пойти на Киевские земли Мономаховичей – противников Игоря Святославича. Рациональный Гзак предлагает пойти на Новгород-Северское княжество, поскольку защищать его некому. «Кончакъ поиде к Переяславлю, и остоупи городъ, и бишася тоу в(е)сь день». Владимир Глебович, будучи «дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и почте к нимъ».

И бися с ними крѣпко, и обстоупиша мнози Половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеся, выриноушася из города и тако отяша князя своего язвена соущи тремѣ копы. <...> И оутре мужественаго поутѣ своего за отчиноу свою [ПСРЛ, т. 2, с. 646–647].

В этом случае киевский летописец солидарен в оценке мужества Владимира Глебовича с переяславльским автором.

Половцы повернули от Переяславля к Римову. Горожане затворились в городе и столпились на заборолѣ – крепостной стѣнѣ.

И тако Божиимъ соудомъ летѣста двѣ городници с людьми тако к ратнымъ, и на прочая гражаны наиде страх [Там же, с. 647–648].

Автор «Слова» об этом сообщил устами князя Святослава Киевского:

Се у Римъ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами: туга и тоска сыну Глебову! [Слово, с. 21].

Киевский летописец снова объясняет события провиденциализмом:

И се Богъ казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганяны, не аки милоуя ихъ, но насъ казня и обращаю ны к покаяню [ПСРЛ, т. 2, с. 648].

Нет ли здесь прямого упрека, что Владимир Глебович Переяславский так и не покался за свой набег на Новгород-Северское княжество, а потому Господь и послал на его земли напасти? В отличие от него, Новгород-Северский князь Игорь Святославич, попав в половецкий плен, раскаялся в своем набеге на город Глебов:

Азъ по достояню моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, Владыко Господи... Не жаль ми есть за свою злобоу прияти ноужная вся, ихже есмь приять азъ [Там же, с. 649].

Это второе осознание случившегося Игорем. Киевский летописец приводит слова покаяния князя Игоря и его объяснения, за что он наказан и страдает. В этом существенное отличие Новгород-Северского князя от Владимира Глебовича, и симпатия автора явно на стороне Игоря Святославича. «Избави и (его) Господь за молитвою христьянскоу, им же мнозѣ печаловахоуть и *проливахоуть же слезы своя за него*» [Там же]. И прежде всего за слезы его супруги Ярославны, которая плакала поутру «въ Путивлѣ на забралѣ». Венчанные муж и жена являют собой одно целое:

...Ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господѣ. Ибо какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ чрезъ жену; все же – отъ Бога (1 Коринф. 11 : 11–12).

Молитва о плененном выводит из плена (просьба об этом имеется в утренних молитвах), тем более если это молитва жены о муже. Ее молитва стала решающей в промысле об Игоре². Трижды употребляет автор слово «рано» при описании плача Ярославны, и трижды воспроизведена природа на Руси ясным днем. Русская земля ассоциируется у автора с солнцем, светом. Половецкое поле как земля чужая, неприветливая – с ночью, тьмою. Граница между ними – Донец как река (или огненная река), отделяющая рай от ада или земли [Клейн, с. 64–68].

Ярославна описана средь бела дня, а Игорь – во тьме. К нему, в ночь, возвращается автор. Князь держал в уме мысль о побеге со всеми своими мужами и не соглашался бежать один: «Азъ славы дѣля нѣ бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ не славнымъ поутемъ не имамъ поити» [ПСРЛ, т. 2, с. 650]. Эту мысль его советчики называли неудобной Богу, поскольку возвращавшиеся из похода половцы собирались перебить всех пленных.

Летописец эмоционально описывает состояние Игоря непосредственно перед бегством, когда решается его судьба и происходит его третье обращение к Богу. Игорь

...вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонился образу Божию и крестоу честному, глаголя: «Господи сердцевище! Аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго?!» И взяв на ся крестъ и икону, и подоима стѣноу, и лѣзе вонъ [Там же, с. 651].

Спасение Игоря из плена рассматривалось как результат помощи Бога. Сам Господь говорит в Священном Писании:

И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщите Меня и найдете... и возвращу вас из плена (Иер. 29 : 11–14).

В плен князь Игорь попадает промыслом Божиим, и Божиим промыслом избавляется от него. Игорь шел за славой, но обрел бесславие. Но нижней, пиковой точкой бесславия был побег, поэтому «чашу бесславия» князь должен был испить до дна и вернуться домой «неславным путем» – бегством из плена, проявив смирение. Решаясь на побег («неславный путь»), Игорь берет с собой крест и икону, возлагая надежду на помощь Бога. Тогда становится понятным, почему автор «Слова» указывает, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую»: он прощен Богом после раскаяния князя.

Поход Игоря был из света во тьму, путь домой – из тьмы («полуночи») на свет: «Солнце светится на небеси, князь Игорь в Русской земли», – свидетельствует «Слово». За внешними совпадениями кроется глубокий религиозный смысл. Игорь шел за победой и земной славой, а по Божьей воле получил поражение и унижительный для князя плен. В плену он проявил смирение, покался (начало избавления) и обрел

² О молитве Ярославны см.: [Ужанков, с. 311–312].

не только внешнюю, но и внутреннюю свободу. Произошло его духовное преображение. Намечается его возвращение не только как блудного сына домой, но и к простившему его Отцу Небесному [Александров, с. 417–422; Гаспаров, с. 298–299; Есаулов, с. 36–37]. В этом и кроется смысл всех испытаний и страданий, которые были посланы ему Богом.

Аллюзия с евангельской притчей заметна и в летописной повести. Княжескую власть, честь (достаток) Игорь Святославич получил от Бога, но все потерял и погубил по гордыне своей, отправившись в поле половецкое за славой, пренебрегая заповедями Господними. Претерпев испытания (моральные – угрызания совести, и физические – ранение и плен) и осознав свой проступок, он в молитве обращается к Отцу Небесному:

Владыко Господи Боже мои, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ [ПСРЛ, т. 2, с. 644].

И как отец простил и принял своего блудного сына, так и Господь простил и принял Своего – князя Игоря, избавил (именно такой глагол использует автор повести) его от плена и помог возвратиться домой: «...избави и (его) Господь за молитвою христьяньскоу» и «Се же избавление створи Господь... [Там же, с. 649, 651].

Автором подразумевается не только физическое возвращение князя Игоря в свое родное Отечество – Новгород-Северское княжество, но и духовное его возвращение в Отечество Небесное.

Список литературы

Александров О. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Одеса : Астропринт, 2010. 472 с.

Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М. : Аграф, 2000. 608 с.

Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 220 с.

Еремин И. П. Литература Древней Руси : (Этюды и характеристики). М. ; Л. : Наука, 1966. 262 с.

Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1995. 287 с.

Клейн И. Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. М. : Наука, 1976. С. 64–68.

Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В. Ю. Франчук. Київ : Наукова думка, 1988. 190 с.

Памятники литературы Древней Руси : в 12 т. М. : Худ. лит., 1981. Т. 3. XIII век. 616 с. Повесть временных лет. 2-е изд. СПб. : Наука, 1996. 668 с.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1940. 188 с.

ПСРЛ. М. : Языки рус. культуры, 1997–. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 496 с. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с. Т. 18. Симеоновская летопись. 328 с.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. : Наука, 1972. 520 с.

Слово о полку Игореве. М. ; Л. : Наука, 1950. 483 с.

Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 512 с.

Франчук В. Ю. Киевская летопись : (Состав и источники в лингвистическом освещении). Киев : Наукова думка, 1986. 183 с.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 372 с.

Шахматов А. А. История русского летописания : в 2 т. СПб. : Наука, 2011. Т. 2. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. 647 с.

Яценко Б. И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Рус. лит. 1985. № 3. С. 31–42.

References

Aleksandrov, O. (2010). *Literatura Kiivs'koї Rusi: Mizh mifopoetikoyu i khristiyans'kim simbolizmom* [The Literature of Kievan Rus': Between Mythological and Christian Symbolism]. Odessa, Astropoint. 472 p.

Demkova, N. S. (1997). *Srednevekovaya russkaya literatura* [Mediaeval Russian Literature]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 220 p.

Eremin, I. P. (1966). *Literatura Drevnei Rusi (Etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Medieval Rus' (Studies and Characteristics)]. Moscow, Leningrad, Nauka. 262 p.

Esaulov, I. A. (1995). *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [The Category of Collegiality in Russian Literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. 287 p.

Franchuk, V. Yu. (1986). *Kievskaya letopis' (Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii)* [The Kiev Chronicle (The Composition and Sources through Linguistic Analysis)]. Kiev, Naukova dumka. 183 p.

Franchuk, V. Yu. (Ed.). (1988). *Litopisni opovidi pro pokhid knyazya Igorya* [Chronicle Descriptions of Prince Igor's Campaign]. Kiiv, Naukova dumka. 190 p.

Gasparov, B. M. (2000). *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of *The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Agraf. 608 p.

Klein, I. (1976). Donets i Stiks (Pogranichnaya reka mezhdru svetom i t'moyu v "Slove o polku Igoreve") [Donets and Styx (the Border River between Light and Darkness in *The Tale of Igor's Campaign*)]. In *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi*. Moscow, Nauka, pp. 64–68.

Pamyatniki literatury Drevnei Rusi v 12 t. [Literary Works of Medieval Rus'. 12 Vols.]. (1981). Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. XIII vek. 616 p.

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. (1996). 2nd Ed. St Petersburg, Nauka. 668 p.

Priselkov, M. D. (1940). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [The History of the Russian Chronicles of the 11th–15th Centuries]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 188 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1997–). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. 496 p. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. 648 p. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'. 328 p.

Rybakov, B. A. (1972). *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian Chroniclers and the Author of *The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Nauka. 520 p.

Shakhmatov, A. A. (1938). *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* [Review of Russian Annals of the 14th–16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 372 p.

Shakhmatov, A. A. (2011). *Istoriya russkogo letopisaniya v 2 t.* [The History of the Russian Chronicles. 2 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 2. Obozrenie letopisei i letopisnykh svodov XI–XVI vv. 647 p.

Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. (1950). Moscow, Leningrad, Nauka. 483 p.

Uzhankov, A. N. (2015). *"Slovo o polku Igoreve" i ego epokha* [The Tale of Igor's Campaign and Its Era]. Moscow, Akademika. 512 p.

Yatsenko, B. I. (1985). Lavrent'evskaya povest' o pokhode Igorya Svyatoslavicha v 1185 godu [Lavrentievskaya Tale of the Campaign of Igor Svyatoslavich in 1185]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 31–42.